

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-123-138>

<https://elibrary.ru/GDWHWL>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

А.С. Демин
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕЧИ
В «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ»
(изобразительность)

Аннотация: В статье обозреваются случаи изобразительности в речах персонажей древнерусского перевода «Истории Иудейской войны». Анализируется 17 речей различных деятелей в памятнике. Делается вывод о том, что изобразительность в «Истории» возникала стихийно в результате детального описания событий и что образные места в произведении на самом деле не являлись авторской самоцелью, а служили выразительности повествования, как и иные средства поэтики. В качестве подтверждения в Приложении к статье приводятся примеры парадоксальных афоризмов и переносного словоупотребления в тексте памятника.

Ключевые слова: красноречие, изобразительность, выразительность, облик книжника как писателя.

Anatoly S. Demin
ARTISTIC SPEECHES
IN THE HISTORY OF JEWISH WAR
(FIGURATIVE)

Abstract: The article examines the cases of figurativeness in the speeches of characters in the Old Russian translation of the *History of Jewish War*. Seventeen speeches of various figures in the monument are analyzed. It is concluded that the figurativeness in *History* arose spontaneously as a result of a detailed description of events and that the figurative places in the work were not actually the author's end in itself, but served the expressiveness of the narrative, like other means of poetics. As confirmation, the Appendix to the article provides examples of paradoxical aphorisms and figurative usage in the monument text.

Keywords: eloquence, figurativeness, expressiveness, appearance of a scribe as a writer.

Множество речей персонажей сочинил Иосиф Флавий в своей «Истории Иудейской войны» и творчески их передал древнерусский

переводчик XI в. Об этом, как и о многом другом, обстоятельно и разносторонне рассказал Н.А. Мещерский при публикации древнерусского списка 1556 г. столь огромного памятника [1, с. 4–164, 471–531].

На фоне великолепного фундаментального труда Н.А. Мещерского задача данной статьи более чем скромная — обозреть случаи изобразительности в речах персонажей «Истории Иудейской войны» как литературную ценность для нашего времени. Это аксиологический (ценностный), герменевтический (смысловой), научный (доказательный) подход к произведению, к характеристике словесного искусства некоего условного (сборного) книжника (автор + переводчик + редактор + переписчик). Исходим из предпосылки, что речи персонажей сочинил этот самый книжник.

Выбираем для комментариев только наиболее интересные и доказательные примеры, хотя нередко приходится домысливать их возможное художественное содержание у книжника, причины возникновения образов и облик книжника как писателя.

1. В первый раз явление изобразительности в речи персонажа встречается в «Истории» Флавия в первой ее книге, главе третьей. Иудейский царь Аристоул ненавидел свое тело: «О, тело беззастудное мое!» [1, с. 173]. В данном случае «бесстыдный» — это «позорный» или «унизительный». Почему тело царя выглядело позорным? Он объяснил это кровотечением: «Доколе же азъ пролею по части свою кровь? <...> прольняниемъ мояя утробы помалу!» Царь надеялся на небольшое кровотечение. Но книжник превратил подобное недомогание в образ смертельной болезни этого персонажа: «Утроба его въскыпе кровию, изbleва кровию в медницу» [1, с. 172], и «абие умре» [1, с. 173]. Кипящая кровь, рвота кровью!

Такое «кровоавое» изображение тела Аристоула объясняется идейным принципом «кровь за кровь». Ведь царь поубивал своих родственников и сам признавал: «воскоре мя постигаетъ месть за кровопролитье рода моего» [1, с. 173]. А книжник добавил: «Аристовуль <...> во звероумие прииде» [1, с. 171].

Созданию образа кровавого тела способствовали мрачные предметные ассоциации книжника к телу человека. Книжник часто писал о «телесней немощи» персонажей [1, с. 465], упоминал «на тело <...> всяко мученое дело» [1, с. 239], пояснял: «болести обишедши и обдер-

жаше все тело <...> различными страстями» [1, с. 240], «тело усохнуть и умереть» [1, с. 460]; и, наконец, «тело истлеет» [1, с. 254].

Из тела «много кровь течаше» [1, с. 198]; «много крови пролияся» [1, с. 280] и пр.

А «утроба» ассоциировалась у книжника со смертью: «Съмърть <...> въгрузи меч в утробу свою» [1, с. 194]; «меч <...> въгрузиши въ свою утробу <...> умерети» [1, с. 308].

Сам образ Аристоула возник благодаря некоторому сочувствию книжника злодею: «Аристоулъ же, очи исполнивъ слезъ и постенавъ велими» [1, с. 173].

Изобразительное творчество книжника фактически ограничилось употреблением метафоры и эпитета. Почему? Главной целью книжника являлось историческое повествование о реальных действиях и событиях, а образность изложения возникала лишь эпизодически. Это оговорил сам Иосиф Флавий в предисловии к своей книге, которое отсутствует в древнерусских списках «Истории», а в переводе с греческого на современный русский звучит так: «...давая скорбное выражение чувствам, возбуждаемым во мне бедствиями <...> я этим удовлетворяю только внутреннюю потребность моей наболевшей души» [2, с. 4 второго счета].

2. Следующая речь с образным элементом встречается в той же первой книге «Истории», но уже в главе десятой. Иудейский воевода Антипатр, представ перед цесарем, воскликнул: «Аще бо азъ молчу, но тело мое вопиеть!» [1, с. 183]. Выражение «тело вопиет» восходит к евангельскому «камни возопиют» (Лк. 19: 40). В данном случае оно обозначало горестное воздействие, которое тело воеводы произвело вовне, на зрителей. Чем же? Книжник пояснил: «Въставъ же Антипатръ, съволокъ свиту, казаше множество язвъ телесных». Вопияли раны! Книжник создал образ израненного воеводы, движимый явным уважением к воину: ведь это были «язвы телеси его, яже приявъ въ брани» [1, с. 184]. Это была торжественная картина: ведь Антипатр восклицал: «въставъ». И опять: образ был создан минимальным средством — единственной метафорой. Книжник оставался сдержанным повествователем.

3. В первой же книге «Истории» после большого перерыва в главе восемнадцатой находим образное место в речи иудейского царя Ирода I, который пожаловался: «На что мя постависте цесаря, обнаживше

весь град и оставивше меня цесарствовать въ пустыни, въ камении?» [1, с. 199]. Речь шла о жестоком взятии Иерусалима Иродом совместно с римским войском: «всяк образ и възраст сечаху» [1, с. 198]. Ирод (под пером книжника) сравнил разоренный Иерусалим с безлюдной пустыней и камнями в ней. Это была традиционная ассоциация. Ср. сравнение с безлюдной пустыней в другом месте «Истории»: «одинъ есмь zde, акы в пустыни» [1, с. 330].

Образ опустошенного и обезлюдившего Иерусалима — «толику пагубу» [1, с. 199] — книжник наметил из острой жалости к судьбе города. Об этом чувстве свидетельствует горестное описание: «И бысть сеча рать безчисленая по граду, и по храмом, и по двором, не милующим младенецъ, ни старых, ни немощи женское» [1, с. 198]. Кроме того, книжник назвал Иерусалим обнаженным, а нагота персонажей у него тоже вызывала стонущую жалость. Ср. далее в «Истории»: «И ныне повержени суть нази на снедение псом и зверемъ. Над ними же и правда стонеть, зане одолена бысть злобою» [1, с. 337].

Книжник для мимолетного образа Иерусалима использовал лишь метафору и сравнение, так как специальное описание града не входило в его цели и он придерживался привычной для него стремительной краткости изложения событий: «не рыданию время се, но исповеданию вещь» [1, с. 360].

4. В следующей девятнадцатой главе первой книги «Истории» содержится насмешливое высказывание иудейских книжников о священнике Луе: «Уха ти есть во рте, а кость в голове» [1, с. 200]. «Уха» по-древнерусски — это похлебка вообще. Н.А. Мещерский по этому поводу заметил: «Замечательна пословицная форма изречения, осмеивающая Луя» [1, с. 52]. Книжник тут же сам объяснил, откуда появился этот образ: «яко из нощи заутрыкаше рано, а голова его отягчала питиємъ, яко же и кость». Два образных высказывания о Луе имели несколько разный смысл: то ли рот Луя заполнен похлебкой, а голова его — сплошная кость без мозгов; то ли от обилия похлебки голова Луя отяжелела, как костяная. Так или иначе, но голове Луя не повезло.

Книжник создал образ самоуверенного болтливового глупца, который всех «хотя премудрити <...> и глагола <...> что язык его попадаше, не от книгъ, но басною речью». Пословица о кости в голове была чужда стилю «Истории». Образ болтуна встретился в «Истории» лишь один раз, потому что книжник сосредоточился на рассказах

о действительно мудрых и отважных людях. Насмешки у книжника были очень редки. Просто книжники на речь Луя ответили «басной» же речью. Можно в «Истории» указать еще только одно презрительное упоминание головы, но уже не священника, а глупого воина: «челом ити к железу, яко зверь» [1, с. 323]. Но это не «басная» речь.

5. В главе двадцать пятой той же первой книги каппадокийский царь Архелай перед Иродом «вопиаше»: «Где узрю главу отьцаубийци, да раздеру ю своима руками?» [1, с. 216]. Архелай имел в виду сына Ирода, заподозренного в намерении убить отца. В «Истории» могли раздирать только матерчатые и иногда кожаные изделия. Ср.: «архирееи ризы своя раздраша» [1, с. 271]; «ризы растерзываху» [1, с. 272]; «поясь <...> кожь щитных <...> раздирающе» [1, с. 412]. Для того чтобы «разодрать» голову виновного, нужна была нечеловеческая злоба и сила рук палача. Но нигде не сказано об особой гневливости или силе рук Архелая.

Подобным преувеличением якобы гнева Архелая книжник показал его лицемерную хитрость: Архелай «мудростию рассыпа грозу цесареву» [1, с. 216], объяснив все недоразумением. Ведь дочь Архелая была женой заподозренного сына Ирода, и Архелай мог лишиться столь могущественного свата (т. е. Ирода).

Образ осторожного Архелая у рассудительного книжника остался все-таки расплывчатым, так как наметился практически одной метафорой в речи персонажа.

6. В главе двадцать седьмой опять же первой книги некий воин стал обличать Ирода за то, что царь решил все-таки убить двух своих ни в чем неповинных сыновей: «Глаголь его, яко ветръ; словеса его, яко роса утръня!» [1, с. 223–224]. В главе тридцатой этот образ непостоянного и забывчивого царя был повторен самим книжником: Ирод «нача мысль имети, акы ветръ, ветръ обращающься» [1, с. 231].

Ветер действительно ассоциировался у книжника с непостоянной стихией. Ср.: «ветру веющую <...> ветръ беспрестани привеваеть» [1, ч. 261]; «ветру дмущую <...> люто зело» [1, с. 312].

Но почему для отрицательной характеристики Ирода книжник ввел сравнение именно с ветром? Возможно, потому, что явления погоды относились у книжника к резко неприятным событиям, особенно буря: «Внезапу въста буря на ня <...> и прах въ очи их сыпаше <...> сметашеть я в пропасть» [1, с. 324]; «с великою буреоу и лютою

нападоша <...> и многы <...> убиша» [1, с. 442]. Даже дождь ассоциировался с бедой: «исполнишися струи Иерданьскаа дождемъ и възбыстрися зело <...> потопишася людие паче числа» [1, с. 343].

Как всегда, изображая неустойчивость Ирода, книжник был лаконичен, но настойчив, добавив сравнение с быстро испаряющейся утренней росой. Засуха тоже осуждалась книжником: «В время жатвеное изгараеть поле <...> и не обретается вода в нем» [1, с. 345].

7. В главе двадцать восьмой иудейский царевич Антипатр задумал женить своего сына и будто бы растроганно произнес: «И да вижю дети си кроткыма очима» [1, с. 226]. Примечательно, что Антипатр так охарактеризовал только сам себя. Правда, книжник дважды отметил слезливость Антипатра, но перед людским собранием: «исполни слез очи свои» [1, с. 225]; «се рекъ, прослезися» [1, с. 226].

Некоторое отступление книжника от обычной скупости в изображении героев объясняется тем, что книжник на самом деле показал лицемерие Антипатра, замыслившего очередную, на этот раз матримонийную, интригу в борьбе за власть: «Абие трухль бысть Антипатръ» [1, с. 226], т. е. удручен, озабочен, «преврати браки на свою ползу» [1, с. 227].

Представление о лицемерии Антипатра книжник выразил еще раз: персонаж «внутреннии страх имея до смърти, но лицем творяшеся гордети» [1, с. 235].

Образ лицемерного Антипатра был продиктован устойчивою ненавистью книжника к этому злодею, который «прием же къ злобе силу, буи и нестерпим бысть» и т. д. [1, с. 227]; «ненавидяхуть бо его вси равно» [1, с. 234].

Фиксация выражения лица Антипатра — исключительно редкое средство описания человека в «Истории», вероятно, из-за исключительности этого персонажа и его биографии у книжника.

8. Во второй книге «Истории», главе седьмой иудейский начетчик Симон оскорбил «некогого мужа» [1, с. 250]: «Ты ныне вышедъ из дубравы, акы зверь» [1, с. 250–251]. Текст «Истории» обосновал такое сравнение: этот персонаж «възвлекль на ся власы скотинныа къ телу своему <...>. А лицемъ беаше, аки дикий» [1, с. 250]; «въ зверьских власех ходяща» [1, с. 257]. Но вовсе не зверская лютость этого человека была показана в «Истории», а его странность: «хождаше <...>

в чудных ризах» [1, с. 250]; «бысть же нравъ его чуденъ и житие его нечеловеческо, яко духъ бесплотень» [1, с. 258].

Книжник с пиететом пояснил парадоксальность данного образа: «сеи муж, его же нарицахуть дикого, мы же его наричем Иоакна, кръстителя Господня» [1, с. 257]. Книжник вообще был склонен к парадоксам: «самъ Богъ <...> сътворить, елико хочеть» [1, с. 370] (см. Приложение 1).

А вот упоминание лица персонажа снова указывало на его исключительность. К необычным героям книжник был особенно внимателен.

9. В третьей книге «Истории», главе десятой римский полководец Тит провозгласил перед своим войском: «июдеи <...> не искушени въ брани <...>. И не наричются вои, но народ суетен <...> они нази, а мы въоружени; они пеши, а мы на конех» [1, с. 314]. «Нагие», т. е. как бы безоружные и без снаряжения. Ср. выражение: «нази оружшимся» [1, с. 284]. Ведь противоположное нормальное состояние воинов обозначалось как «облъкшеса въ оружие» [1, с. 381]. Тит сравнил иудейское войско с суетящейся неорганизованной («они без наряда») толпой, что подтвердил дальнейший рассказ: «Иудеи <...> побегоша, топчюще и давяще друг друга» [1, с. 315].

Такой крайне унижительный образ иудеев допустил книжник в силу своей проримской ориентации и одновременно для того, чтобы показать искусность Тита как оратора.

Сравнение войска с толпой было настолько смелым, что потребовало еще более смелого образного обоснования. Тут книжник приоткрылся как настоящий художник.

10. В четвертой книге «Истории» третья глава содержит следующие высказывания. В осажденном римлянами Иерусалиме некто Иван утверждал, что «аще крила възрастуть у римлянъ, а не могутъ прелезти въ Иерусалимъскихъ стенъ» [1, с. 327].

Представление о «крылатости» римского войска или о способности его к полету было очень редким в «Истории» и лишь еще однажды его высказал сам книжник: «си, акы под облаком пришедше» [1, с. 277]. Недаром изображен был на их «хоругови <...> орель» [1, с. 299].

А редкость такого представления объясняется тем, что победы римлянам доставались очень нелегко.

11. В той же главе священник Иоанан обратился с речью к жителям Иерусалима: «кровавыми ногами скачють по ерейским местом» [1,

с. 332]. «Кровавые ноги» — это не раненые ноги, а облитые чужой кровью ноги убийц, как будто они скачут по крови жертв. Перед тем тот же Иоанан выразился яснее, упомянув «месть святых теснующеся ногами кровопиець» [1, с. 330], — кровопийцы своими ногами попирают святые места. Ноги кровопийц названы кровавыми в метафорическом смысле. Однако позднее книжник написал: «Розноличная кровь стряше на святемь месте, акы озеро» [1, с. 359]. Так что ноги завоевателем неявно все-таки мыслились книжником ступавшими по крови. Книжник был больше склонен к риторике, чем к предметной изобразительности.

12. В той же четвертой книге главе десятой римские воеводы заявили: «Сами же мы <...> под шоломом състаревшеся» [1, с. 353]. Как будто каждый из них всю жизнь, вплоть до старости, не снимал с себя шлема. Воинское постоянство воевод изобразил книжник. Ср. выражения о постоянстве: «състаревся въ брани» [1, с. 366]; «мужа, от юности до старости въ воинъстве живуща» [1, с. 292]. Книжник был на стороне воевод, которые «толико труда приемлюще» [1, с. 353], но, как обычно, краток изобразительно, используя только метафору. Однако в словесной меткости ему нельзя отказать.

13. В книге пятой главе второй защитники Иерусалима сокрушались: «руки повешаемъ, оружие пометамъ» [1, с. 363]. Книжник изобразил растерянность иудеев через положение их реальных рук. На опустившиеся руки книжник косвенно указал и сравнением в этой же речи иудеев: «намъ доколе седети <...> акы на позорищи». «Позорище» — это зрелище. На обессиленность персонажей указывало положение их рук в дальнейшем повествовании книжника: «Всеи крови истекше из него, изнеможе и руце обеси» [1, с. 402]. Предметной деталью (см. Приложение 2) книжник создал целую картину настроения иудеев. Кроме того, глагол «пометать» усугублял картину растерянности иудеев, так как отличался большей экспрессией движения, чем глагол «положить». Ср. в другом месте: «пометавше оружия, разбегошися» [1, с. 289]. То есть растерянность иудеев была истерической.

14. В пятой же книге главе двенадцатой римские воины грозились: «июдеи <...> погрузять бо ся нашими стрелами» [1, с. 390]. Образ тел не совсем ясный, тем более что тела не упоминаются, а лишь подразумеваются, да и смысл глагола «погрузитися» здесь расплывчат. Смысл этого выражения более ясен в другом месте «Истории»: римский воин, обстреливаемый защитниками Иерусалима, «спогружаяся стрелами»

[1, с. 401], «покрыть бысть стрелами» [1, с. 402]. Ср. еще: «покрываху полки стрелами» [1, с. 286]. То есть римские воины грозились сплошь покрыть тела иудеев вонзившимися стрелами, их грузом. Книжник метафорой создал образ тел, погруженных в ошетилившуюся массу стрел. Но образ этот все-таки не пояснен.

15. В следующей тринадцатой главе той же пятой книги некий иерусалимский слуга возмущался неудобствами от римской осады в городе: «Доколе стерпимъ змиевы злобы? <...> Не до нас ли глад приползе?» [1, с. 393]. Голод вроде бы ассоциировался с ползучей змеей? Но нигде в контексте нет подтверждения такой, очевидно, случайной связи. Хотя некоторое пространственное передвижение приписывалось голоду. Ср.: «И разширися глад по дворомъ» [1, с. 391]; «гладу ходящую сквозе утробу и мозгы» [1, с. 413]. Это своего рода предобраз, риторическое выразительное средство.

16. Наконец в книге седьмой главе восьмой защитник Иерусалима Елеазар предупредил свою дружину о неминуемом поражении от римлян из-за иудейских грехов: «И езьвнятъ прегрешения наша въ ушию всех. Мню же, яко и по нас будетъ се звонъ» [1, с. 459]. Н.А. Мещерский отметил: «В речи Елеазара <...> поражает своею образностью широко развернутая метафора» [1, с. 85]. «Следует обратить внимание на яркую метафору. <...> мы наблюдаем связывание метафоры “звонъ” с какой-то отрицательной оценкой явления» [1, с. 531]. Грехи громко звенят во всеуслышание, как некий музыкальный инструмент или представляют что-то вроде звенящего существа. Превращение абстрактного понятия как бы в живой, издающий звуки объект встречалось редко у книжника, выражалось бегло и неотчетливо. Например: «правда стонеть, зане одолена бысть злобою» [1, с. 337]; «душа <...> сладко покои имать и <...> беседуетъ съ Богомъ <...> и много о будущихъ прорицаеть» [1, с. 460]. Книжник вовсе не планомерно достигал образности изложения ввиду склонности к рассуждениям.

17. В той же речи Елеазара абстрактное понятие и иным способом превращалось в предметный объект. Так, чувства мыслились как арестанты в теле: «в теле пребысть, акы связаны, <...> телесныя страсти» [1, с. 460]. Книжник исходил из представления о тюремном заключении душ: «Душа <...> прилепится к телу <...> акы к темнице» [1, с. 255]; «душа наша, темну храмину оставивши» [1, с. 239]. Тут книжник скорее всего следовал литературной традиции.

Итог неяркий. Общее количество образных мест в «Истории» очень невелико, что свидетельствует об их второстепенности в стараниях ученого книжника.

Подавляющее количество образных мест касалось иудеев, так как именно за них остро переживал книжник.

Главными объектами изображения в «Истории» являлись тела людей и части тела: голова, лицо, очи, руки, ноги. Это книжник представлял довольно отчетливо, потому что нередко рассказывал об отдельных личностях.

Изобразительное мастерство книжника было достаточно бедным и однообразным: он предпочитал использовать одиночные метафоры. Это уже отметил Н.А. Мещерский: «Метафоры в переводе очень часты и в громадном большинстве случаев независимы от греческого оригинала» [1, с. 85].

Чем же тогда интересна «История» Флавия с точки зрения изобразительности ее повествования? Не только ее вкладом в историю метафоры в древнерусской литературе. Главный вопрос: почему появлялись образные места в произведении, хотя книжник вовсе не ставил перед собой подобной художественной задачи, да и вряд ли осознавал образность как особую литературную категорию. Ответ на этот вопрос таков: изобразительность возникала стихийно, потому что книжник старался предметно описать события. Секрет — в предметности «Истории».

Кроме того, книжник умел подобрать слова и выражения с переносным смыслом, внося экспрессию в свое изложение, так что образные места на самом деле служили выразительности повествования, входили в состав разнообразных выразительных средств в арсенале книжника, а их разнообразию способствовали воинская тематика «Истории» и неравнодушие книжника.

Короче говоря, произведение Флавия интересно как источник в длительной предыстории русской художественной литературы, когда образность изложения проявлялась всегда, с самых ранних времен, но в виде редких кратких выразительных вкраплений в текст благодаря словесному таланту и натуре того или иного книжника.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень некоторых выразительных мест в «Истории Иудейской войны»

1. Парадоксы

В «Истории» Флавия персонажи высказывали краткие парадоксальные суждения, противоречившие общепринятым оценкам, что усиливало выразительность содержательности речей. Приведем лишь только некоторые наиболее интересные примеры.

1. Мать иудейского царя Иркана (ее имя не названо), захваченная египетским царем Птолемеем, заявила: «Нам смерть лепши живота есть!» [1, с. 170]. Этот афоризм поразительно менял оценки: смерть — хорошо, жизнь — плохо. Ведь общепринятое мнение было противоположным: «велико благо человекомъ мнится животь, а смерть — люто» [1, с. 461]. Речь беззащитной женщины была сделана мужественной у книжника. Мать возвещала как бы от имени всех иудеев: «Нам».

Для трагичности материнской речи книжник сопроводил ее речь драматическими деталями. Мать Иркана не кричала, а «вопияше», притом прилюдно, возведенная «на забрала», и «всем видящимъ» [1, с. 170]. Книжник создал героическую картину.

Использовал книжник в той же речи, так сказать, скрытый афоризм, лишь намекающий на противоположные категории в данном конкретном случае. Вот та же мать убеждала сына своего Иркана: «Чадо, не щади нас, но остави, ать убьеть ны!» [1, с. 170]. Убийство лучше пощады. Согласие на героическую смерть.

2. Иудейский старец перед предателем иудеев Иродом I провозгласил: «Съмърть свободна есть лучши ми твоего цесарства!» [1, с. 194]. Самоубийство лучше жизни (при этом царе). Упрямая речь старца (он даже «разсмеявся велми» перед царем) одновременно и величественна у книжника благодаря торжественной детали: старец «въздвигъ руку с мечемъ и рекъ» [1, с. 194]. Опять героическая картинка.

3. Римский полководец Тит поучал свое войско: «Лъже (*легче*) железом кончатися, нежли недугомъ» [1, с. 400]. Афоризм Тита витиеват (смерть от ран в бою лучше смерти от болезни в мирной жизни), но предметная метафора «железом кончатися» способствует возвышенной решительности речи.

Книжник постарался сочинить впечатляющую речь Тита. Недаром Тит так оценил свое обращение к воинам: «Азь же велми пою и хвалю...» [1, с. 400].

4. Иудеи «укаряху со забрал» римское войско: «Узе (*лучше*) намъ умрети пред работою» [1, с. 388]. То есть смерть лучше рабства. Речь иудеев к римлянам у книжника злобна: ведь «укарять» — это хулить, оскорблять. Картина непреклонности иудеев, которые намеревались сражаться «донде же дышемъ».

5. В «Истории» приведена речь самого Иосифа Флавия, содержащая следующее высказывание: «Лепо брани убиену быти от ратных рукъ» [1, с. 308]. Это усеченный афоризм, парадокс относится только к одной категории; противоположная категория не названа: смерть в бою — хорошо. Такой афоризм не предполагал выбора, что лучше и что хуже, а звучал как неукоснительное правило для иудейских воинов.

Однако как бы недостающая часть полного афоризма была упомянута в речи Иосифом далее: «Саморезание же кроме естества есть» [1, с. 308]. Самоубийство — противоестественно, плохо. Одна смерть (в бою) лучше другой смерти (от самоубийства). Причиной возможной разделенности не столь уж парадоксального афоризма, вероятно, стала пространность и аналитичность убеждающей речи Иосифа, который «нача мудрити», «много глагола» [1, с. 308, 309] о каждой категории в отдельности. Здесь Тит у книжника оказался даже философом.

6. Броский афоризм перед дружиной высказал иерусалимский воин-герой Елеазар: «Свобода есть мужеска смерть» [1, с. 459]. То есть смерть — это свобода (от плена), а жизнь — это несвобода (в плену). Недоговоренностью книжник сделал афоризм особенно изысканным, потребовавшим пространных разъяснений для колеблющихся, почему надо «смерть приати пред работою» [1, с. 459]. Ведь «не всемъ угоди речь его» [1, с. 460]. Картина неуверенности иудеев.

Но Елеазар вновь повторил: «животь есть напасть человекомъ, смерть же свободу подавает душамъ» [1, с. 460]. И «вси устремишася къ смърти» [1, с. 463]. Книжник показал, насколько убедителен парадокс, если его повторять и разъяснять.

7. Склонность книжника к парадоксам в форме афоризмов, высказанным уже от себя, заметна по всему тексту «Истории». Книжник

неоднократно в косвенной форме пересказывал иудейские афоризмы о мужестве: «славну смерть луче (*лучше*) живота мнять» [1, с. 255]; «мняху всякую погибель и всякую смерть лжее (*легче*) глада» в рабство [1, с. 427]; «мняще смерть легко» [1, с. 378. Неполный афоризм: смерть легка, а не тяжка]; «мнячеса ко смерти, добра есть» [1, с. 460]. Книжник постоянно обращался к причине мужества иудеев.

Иногда же у книжника сообщение о мужестве иудеев содержало как бы отзвук афоризма: «изволиша <...> умрети, негли жити с покорением» [1, с. 452]. И, напротив, царь сирийский Антиох испугался римлян: «изволи всяку страсть прияти, нежели руце въздвигати» [1, с. 453]. То есть лучше сдаться, чем воевать. Этот изящный, как бы оправдательный афоризм и пояснил книжник об Антиохе: «Се же не изволи ничто же ратнаго сотворити противу»; «не восхоте противитися римляном» [1, с. 453]. Тонкость афоризма могла быть не понята читателями.

В общем, книжник чаще использовал парадоксальные афоризмы и афористические суждения для создания героических оценок, но иногда и для оправдания покорности персонажей. Мир у книжника как бы выворачивался наизнанку вопреки здравому смыслу: смерть лучше жизни.

2. Переносное словоупотребление

1. Выразительность в речи вносило переносное предметное словоупотребление ораторов, в частности упоминания рук. Например, иудеянин Антипатр говорил аравийскому цесарю Арефе: «подобень еси обидимымъ руку подавати <...> Подаж <...> своею силою» [1, с. 176]. В этой фразе присутствовал неявный пространственный оттенок: буд-то на расстоянии протянутой руки Антипатра находятся «обидимые». Книжник владел этим впечатляющим средством.

2. Ирод угрожал иудеям: «Что разумеете, влекуще оружие на ся и на отъчество свое, подвизающе Антониеву руку на Иерусалимъ?» [1, с. 189]. У римского полководца Марка Антония оказалась очень длинная рука с оружием, достающая до Иерусалима. Рука персонажей служила универсальным выразительным средством и у книжника выступала в разных по настроению ситуациях.

3. Иудейский царь Агрипа II признал: множество народов «не мо-гоша отъятися от римских рук» [1, с. 277]. Руки римлян как бы протя-

нуты далеко. Агрипа перед этим пояснил: римляне «и до неописанных, незнаемых Вретанииских острововъ донесоша оружия» [1, с. 276] — донесли руками же. Выразительные переносные выражения были привычны, и их книжник использовал без нарочитости, с легким оттенком предметности.

4. Иосиф Флавий процитировал свою молитву к Богу, где употребил такое выражение: «даю руце римляном волею» [1, с. 307]. То есть иудей как бы протягивает руки к римлянам. Иосиф думал именно о «вдании руки» [1, с. 309], — на этот жест указал Иосиф в конце своей речи. Книжник не злоупотреблял выразительностью речей, но и не забывал об этом.

5. Еуспасиан похвалил римских воинов: «Наших бо рукъ ничто же не утече от всех вселеных» [1, с. 314]. Косвенно была обозначена никого не выпускающая сила римских рук. Косвенно же и подтверждена: «бодри есте на супостаты <...>. Мощно бо нам въсхытати победу» — схватить победу. Книжник избегал резкой выразительности речей, больше заботясь об их логичности и поучительности.

6. Тит обратился к римским воинам: иудеи «смятутся, иже утекше рук наших» [1, с. 315]. Римских рук страшатся иудеи и впадают в смятение. Еще один выразительный оттенок вкладывал книжник в переносное упоминание рук.

7. Еуспасиан советовал римским воинам: «Се же не римскыи обычаи есть, оже <...> битися без наряда, но <...> възискати мести от своею руку» [1, с. 323]. Рука скрытно готовит месть. Далее пояснено злоеющее трудолюбие этой руки: «Римляне <...> строяху приспу», осадив очередной иудейский град. Семантика руки все время колебалась у книжника.

8. Священник Иоанан обвинил иудеев в излишней кротости перед врагами: «Мы же <...> ни руку подъяхом» [1, с. 330]. Рука обессилена. Недаром Иоанан попомнил иудеям «вашу леность» [1, с. 332]. Очень разные руки показывал книжник у разных народов.

9. Римские воеводы пеняли сами себе: «его же, имуще в руце, не брежем» [1, с. 354]. Рука власти равнодушно бездействует. И тут книжник представил уже римскую руку в отрицательном контексте: «инемь отступаемъ власть» [1, с. 353].

10. Тит обещал: «руку вёрну вдамъ всемъ» [1, с. 378]. Рука вложена в руки других людей, вроде дружеского рукопожатия. Подобный жест примирения довольно часто упоминал книжник.

11. Тит уговаривал иудеев: «Не в моих ли руках душа ваша суть?» [1, с. 425]. Это уже руки, крепко сжимающие врагов. Так и сказал Тит о себе: «Яко в дому владыка крепокъ <...> измучю». Книжник подразумевал мощные руки цесаря.

Упоминание рук в различном переносном смысле служило у опытного книжника очень гибким выразительным средством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Мещерский Н.А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 578 с.
- 2 *Флавий Иосиф.* Иудейская война / пер. Я.Л. Чертка. СПб.: Типо-литогр. А.С. Ландау, 1900. 529 с.

REFERENCES

- 1 Meshcherskii, N.A. *Istoriia Iudeiskoi voiny Iosifa Flaviia v drevnerusskom perevode* [History of Jewish War by Josephus in Old Russian Translation]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958. 578 p. (In Russian)
- 2 Flavii Iosif. *Iudeiskaia voina* [Jewish War], trans. by Ia.L. Chertka. St. Petersburg, Tipo- litografiia A.S. Landau Publ., 1900. 529 p. (In Russian)

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Information about the author: Anatoly S. Demin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Для цитирования: Демин А.С. Художественные речи в «Истории Иудейской войны» (изобразительность) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 123–138. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-123-138>

© 2024, А.С. Демин

For citation: Demin, A.S. “Artistic Speeches in the ‘History of Jewish War’ (Figurative).” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 123–138. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-123-138>

© 2024, Anatoly S. Demin